

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

В условиях глобальной взаимозависимости все межкультурные контакты и обмены практически трансформировались в настоящую конфронтацию. Развитие повсюду в мире средств транспорта и связи, наряду с ростом международных рынков труда, капитала и финансов, умножает и увеличивает значение местных акций до глобальных масштабов. Большинство современных столкновений, за исключением попыток антигуманных режимов вообще уничтожить мир *Другого*, происходит в этом промежуточном пространстве частичных оценок, трансляций и возражений.

Считается, что культурные отличия и их смыслы уникальны, а обычные ценности считаются само собой разумеющимися и не нуждаются в дополнительном предоставлении. Устойчивое мнение, что культура определенного типа является таковой именно в этих отличиях ее от другой, ограничивает возможности культурной идентичности экзотикой и отдаляет нас от понимания того, что все наши сходства определяют нас как часть человечества. Однако представление предполагаемых особенностей культур повинуется встроенным правилам, которые являются весьма независимыми от политической и социальной действительности.

В аналитическом смысле пространство культуры становится своего рода нейтральным контейнером для культурных особенностей, общественных порядков и не согласующихся между собой исторических воспоминаний. Таким образом, пространство культуры действует как центральный организующий принцип в общественных науках, в то же время исчезая из кругозора аналитиков гуманитарного профиля. Поэтому нами поставлена задача выявления специфических черт организации культуры основанных на некоторых различающихся коммуникативных формах.

В своем исследовании мы взяли за основу научный принцип, гласящий, что тот, кто занимается изучением культур, никогда не должен принимать культурные нарративы групп и индивидов за чистую монету. Будучи современными людьми, мы гораздо больше своих предшественников XVIII и XIX вв. знаем о безграничном разнообразии и невозможности сведения к единому знаменателю культур, систем верований, ценностных приоритетов и способов репрезентации. По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности. Культура постоянно ведет «игру» с внекультурным пространством, то помещая туда свои страхи, то делая его вместительным своих идеалов и постоянно созерцая себя в этом перевернутом зеркале.

Диалогический характер культуры – один из существенных ее признаков. Необходимо отметить, что в процессе становления конкретных носителей определенной культуры ее развитие происходит в поле диалога, взаимовлияния *Одного* на *Другого*. В целом, поле диалога культуры в процессе ее бытия можно представить как формы отношений со средой (природой), социумом и сознанием (внутренним миром человека). Другими словами, чтобы объяснить причины существования определенных форм и способов существования коммуникативных культур, мы должны постараться понять всю совокупность обстоятельств, среди которых диалог и коммуникации выступили бы одними из аспектов сложного процесса организации системы культурных ценностей.

Особенность коммуникативных процессов объясняется типом культуры. Культуры, ориентированные на сообщения, носят более подвижный, динамический характер. Они имеют тенденцию безгранично увеличивать число текстов и дают быстрый прирост знаний. Классическим примером может считаться европейская культура XIX в. Обратной стороной этого типа культуры является резкое разделение общества на передающих и

принимаящих, возникновение психологической установки на получение истины в качестве готового сообщения о чужом умственном усилии, рост социальной пассивности тех, кто находится в позиции получателей сообщения. Очевидно, что читатель европейского романа нового времени более пассивен, чем слушатель волшебной сказки, которому еще предстоит трансформировать полученные им штампы в тексты своего сознания, что посетитель театра пассивнее участника карнавала. Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне.

Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества. Исторический опыт показывает, что наиболее жизнестойкими оказываются те системы, в которых борьба между этими структурами не приводит к безусловной победе какой-либо одной из них. Однако в настоящее время мы еще весьма удалены от возможности сколь-либо обоснованно прогнозировать оптимальные структуры культуры. До этого еще следует понять и описать их механизм, хотя бы в наиболее характерных проявлениях [6, с. 42–45].

Это не нуждалось бы в пояснении, если бы свойственный современной науке радикальный мультикультурализм не порождал массу проблемных ситуаций. «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом, – пишет С. Бенхабиб, – я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы. В основе моей трактовки комплексного культурного диалога, напротив, лежит не визуальная, а звуковая метафора. Нам следует рассматривать человеческие культуры как постоянное создание, изменение и сужение воображаемых границ между “нами” и “другими”, “другой” всегда также внутри нас, он один из нас. Мы становимся сами собой только потому, что отличаем себя от реального, а чаще – воображаемого “другого”» [1, с. 8]. Реальное столкновение между разными культурами создает не только сообщество обсуждения, но и сообщество взаимозависимости. Следовательно, фундаментальным различием между культурами выступает позиция осваивающего мир человека, который создает основные парадигмы познания окружающего мира, одновременно создает и разрушает границы культур.

Ситуация понимания – это необходимое условие диалога культур. Карл Ясперс отмечал, что проблема взаимопонимания, открытости, диалога различных культур, народов и религий – не роскошь, а жизненная необходимость. Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она постоянно обращается или к своему прошлому, или к опыту других культур. Необходимо отметить, что не всякое взаимодействие культур есть диалог. Культуры вступают в контакт с различными целями: утилитарными (культура рассматривается как «материал»), познавательными (культура – как предмет изучения) [5, с. 213]. Диалог возможен только между равноправными, равноценными культурами не исключая их различий, уникальности, непохожести.

Сегодня большинство из нас являются членами более чем одного сообщества, более чем одной языковой группы, более чем одного этноса. Миллионы людей в мире вовлечены в миграционные потоки по экономическим, политическим или творческим причинам. В большей мере, чем когда-либо прежде, сейчас «подлинные нации», «чистые» языковые группы и незамутненные этнические идентичности фактически являются «воображаемыми» сообществами. Эти сообщества возникли в воображении поэтов, романистов, историков и, конечно, государственных деятелей и идеологов XX в. Для утверждения норм всеобщего уважения и эгалитарной взаимности нужны стратегии, заимствованные из различных традиций философской мысли, постигающей вопросы поведения человека и обретения знания. Парадоксальным образом, чем больше мы понимаем, тем больше способны простить; в изучении человеческой культуры и общества действует принцип:

«все понять – значит все простить». Нормы в минимальном их смысле необходимы нам, чтобы различать консенсус, к которому участники пришли рационально и свободно.

Процесс понимания другой культуры – это всегда ее вопрошание. Смысл, обнаруживающийся при вопрошании, зависит от умения находить ответы из условий познавательной свободы вопрошавшего. Здесь смысл выступает как культурологическая категория. Эта промежуточная сущность, находящаяся между миром переживаемых феноменов и миром их инобытийственных семиотических эквивалентов. Смысл динамичен. Организуясь в завершенные ноуменальные структуры, смыслы опредмечиваются, застывая в конечных и единичных формах, образующих предметное тело культуры и отправной пункт для дальнейшего смыслообразования. Такое понимание смысла разводит культурологию с семиотикой. Другая культура не молчит, она являет нам знаки своего бытия, но раскрытие содержания этих знаков всегда зависит от вопросов, которые задает культуре исследователь. Для того чтобы стал возможен диалог между исследователем и культурой, необходимо «поле для диалога», его составляющими могут выступать: совокупности процедур мыслительной деятельности, закрепленные в особых стилистических мышления (рационализм, феноменология), стили искусства, традиции, совокупности нормативно-ценностных установок и т. д. При этом следует учитывать, что понимание – всегда столкновение «привычного» и «непривычного». Тут важно уметь помыслить «иное», то есть «отстраниться» от привычного. Кроме того, здесь еще осуществляется «соотнесение», фиксация на территории стиля, времени и способов познания. Под стилем здесь понимается «поле» познавательного и творческого диалога в культуре. Стиль образует поле коммуникации, где люди одной культуры воплощают свое духовное единство, передают друг другу технологические приемы делания, творения и понимания друг друга.

«Понимание – это не сенсорный, а коммуникативный опыт. Коммуникативный опыт – это разговор и понимание, возникающее между двумя субъектами, каждый из которых является участником переговоров» – выделял в своих исследованиях Ю. Хабермас [7, с. 315–324]. Ю. Хабермас рассматривает ситуацию понимания в коммуникативном действии, как ориентированную на существующую в культуре систему ценностей и норм. Ю. Хабермас основывает стратегию поведения (социального действия) исходя из принятых в обществе социальных норм, и основная его дилемма состоит в том, чтобы выяснить, насколько она соответствует рациональным аргументам, и насколько эти рациональные принципы отражают ценностную природу принятых в данном обществе норм. В этом смысле в его теории нет противоречий между познанием и социальными нормами, между истиной и ценностью. Основная проблема здесь – это проблема интерпретации главного понятия – «смысл». Смыслополагание – это коммуникативный опыт, предполагающий участие в процессе понимания, уяснения. Человек всегда оценивает то, что есть, на основе социально значимых образцов.

Коммуникативное действие включает как собственное предпочтение, так и оценку притязаний *Другого*. Коммуникативное действие как символически опосредованная интеракция, во-первых, задает систему отсчета для описания и понимания происходящего, для конструирования его как предмета познания, во-вторых, коммуникативное действие – это конкретно-исторический процесс производства социальной реальности.

Результатом диалога культуры и культур является насыщение содержания культуры новой информацией и новым знанием. Таким образом, любой диалог вызывает к жизни все новые и новые коммуникативные особенности культуры. В диалоге проявляется коммуникационная функция культуры, а сама ситуация диалога – это столкновение ценностных миров культур, что в свою очередь порождает ситуацию осознания и, может, переоценки собственных ценностей.

На протяжении истории человечества обобщенная моральная позиция равного отношения утверждалась как через взаимодействия, так и через столкновения культур, посредством как коммерции, так и войн. Ее появлению способствовали и международные

соглашения, и международные угрозы. Считается, что описанные культурные отличия и их смыслы уникальны, а обычные ценности считаются само собой разумеющимися и не нуждаются в дополнительном представлении. Устойчивое мнение, что культура определенного типа является таковой именно в этих отличиях ее от другой, ограничивает возможности культурной идентичности экзотикой и отдаляет нас от понимания того, что все наши сходства определяют нас как часть человечества. Однако представление предполагаемых особенностей культур, повинуется встроеным правилам, которые являются весьма независимыми от политической и социальной действительности. Исторический и моральный опыт заставляет нас верить в верховенство всеобщих прав, но модель комплексного культурного диалога не подтверждает, что другие культурные традиции и жизненные миры восприимчивы к общечеловеческим нормам. Таким образом, опыт достигается только через моральную трансформацию.

Обитаемая вселенная культур всегда является нам во множестве. В сложном диалоге нам следует быть внимательными к изменению позиции другого и себя, «нас» и «их». Получив богатое, наполненное контекстом представление об «этих мирах», мы убеждаемся, что свойственное им понимание социальных благ допускает многосмысловые и взаимопротиворечивые оценки. Подобная сложность истолкования дает нам возможность вступить в диалог с этими «другими мирами».

Диалогичность культуры – необходимое условие для ее понимания. Именно в диалоге, через диалог обнаруживает она себя. Понятия «коммуникация» и «диалог» различны в своем содержании. Диалог – это взаимодействие, общение (внутри культуры и вовне ее). Коммуникация – это структура самой культуры, ее внутреннего пространства. Культура находится в постоянном диалоге сама с собой (во времени) и с другими культурами (в пространстве настоящего), тем самым, активизируя все возможные свои коммуникативные структуры. Такая точка зрения на комплексный культурный диалог представляет собой более адекватное, более соответствующее опыту и более точное понимание процессов развития человеческой культуры и истории и может служить основой понимания процесса самоорганизации ценностей и смыслов культуры.

В контексте глубинного противоречия современных цивилизаций и культур, между процессами информационной глобализации и интеграции общественных процессов, с одной стороны, и стремлением к сохранению культурной идентичности, этноконфессиональной целостности, индивидуализации личностного начала, происходящие в современном социокультурном пространстве изменения не могут не оказать существенного влияния на содержание и направленность коммуникативных процессов. Возникающая на границе человеческого и технического миров область коммуникаций неизбежно оказывается пограничной для исследований культурологии, философии техники, теории коммуникации, семиотики и истории, поскольку воздействие общественных изменений и новые информационные технологии «связаны не столько с расширяющимися возможностями накопления и переработки информации» как это представлялось ранее, сколько «с новыми формами коммуникации» [4].

Но понятие собственной идентичности в коммуникативном мире образует устойчивую антонимическую пару с понятием дистанцирования от Других, поскольку процесс поиска, обретения и выражения индивидуальной и социальной идентичности в то же время всегда является процессом отделения себя от *Других*. При этом у человека формируется индивидуальная репрезентативная картина окружающего мира, *Другого*, *Чужого*, которая посредством метафор находит свое воплощение в языковых формах. Современный индивид пребывает в ситуации перманентного морального выбора, когда он служит только своему богу и оскорбляет других богов.

Хотя человек и его культура являются знаково-символическими образованиями, но речь все-таки должна идти о коммуникации и диалоге, то есть о взаимодействии, взаимопереплетении разнородного, а не поглощении одного другим. И тому есть веские основания: добро – это высшая нравственная ценность, противоположностью которого яв-

ляется зло, антиценность. Понятия добра и зла лежат в основе всех коммуникационных действий. Но в реальной жизни люди совершают как хорошие, так и плохие поступки, и, оценивая их с точки зрения здравого смысла, культура определяет возможность или невозможность совершения коммуникативного акта. Приоритет тех или иных ценностей распространяется на определенные типы отношений и действия, и очень важно видеть, понимать и учитывать их априорное влияние на коммуникационный процесс.

Отличие сегодняшней ситуации состоит в том, что в процессах глобализации мотивационная составляющая унифицируется и ориентируется на ценностные системы Запада. И хотя в «Меморандуме прав человека», представленном Американской антропологической ассоциацией в ООН в процессе подготовки Декларации прав человека, говорилось: «Нормы и ценности соотносятся с культурами, из которых они происходят. Так что любая попытка сформулировать всеобщие постулаты на основе представлений или морального кодекса одной из культур ограничивают применимость соответствующей декларации прав человека к человечеству в целом» [2, с. 247] – эти положения так и остались без внимания.

Осознание ценностей своей культуры наступает лишь при встрече с представителями других культур, когда происходит взаимодействие разных культур и обнаруживаются различия в их ценностных ориентациях. Разница в общении с представителями своей культуры и представителями других культур заключается именно в уровне осознания своего коммуникативного поведения. При общении с иностранцами этот уровень гораздо выше того, который свойственен нам при общении с представителями своей культуры. Ведь обстоятельства общения с другими культурами всегда новы и необычны, они исключают какую бы то ни было рутинность. Именно в этих случаях возникают ситуации непонимания, растерянности, бессилия и раздражения, вызывающие чувство обиды, злости, отчуждения, оскорбления.

Многие современные теории утверждают, что постоянство человеческого Я – не более чем иллюзия. Человек есть непрерывно изменяющееся отношение «Я – Иное», поскольку он постоянно находится в коммуникации и именно поэтому не может быть неизменным. По мнению И. Н. Дубина, «субъект становится тем, **что** он есть, в зависимости от направленности отношения с другими (отношения “Я – Другой”), то есть человек различен в зависимости от того, осуществляет он коммуникацию с субъектом или объектом. Но человек становится иным и в отношениях с разными “Ты”, а может быть, и в отношениях с разными “Они”» [3, с. 94]. Понимание всегда индивидуально и существует в виде отдельных актов, которые транслироваться не могут. Интерпретации же, как возможный, но не обязательный продукт понимания могут полагаться в культуру и транслироваться.

Помощь, содействие в сфере планирования, сотрудничество, передача истины – все эти виды деятельности можно определить как *диалоговые*. Классический образец диалога как паритетного общения двух индивидов, обсуждающих и выясняющих истину, мировая культура, по мнению В. В. Шалина, сохранила в образах и наследии Сократа, Будды, М. Ганди, М. Л. Кинга [9, с. 64]. Тот диалоговый режим, который принимается теоретиками этики ненасилия для осуществления толерантного поведения, обусловлен нравственной зрелостью человека и его культурной заинтересованностью. Описанные учеными виды коммуникативно-целесообразной деятельности действительно способствуют формированию диалога. Однако их технологическая интерпретация и использование рано или поздно обнаруживают мотив принуждения и манипулирования *Другими*.

Политическая обстановка в мире не отличается стабильностью, и многие институты работают над творческим созданием новых значений и средств коммуникации. В рамках межкультурной коммуникации они помогают сформулировать некие общие идеалы (толерантность, равноправие традиций, этика и политика ответственности и др.). Но процесс создания единого поля коммуникативного взаимодействия не проходит гладко.

Установки, идеи, убеждения – вот то главное, что предполагают люди истинными или ложными в процессе коммуникации. Они изначально состоят из тех базовых понятий, которые должны быть истинными для того, чтобы коммуникативное действие имело смысл. Считая их доказанными, придерживаясь их, не подвергая сомнению, предполагая причинно-следственные отношения, люди формируют убеждения, которые и дают ограничения и создают проблемы коммуникации. Эти основные руководящие положения, «окаменевшие внушения о жизни, людях, человеческой природе, успехе, неудаче, цели и т. д.» [8], являются не подлежащими сомнению аксиомами, берущими свое начало в семье, культурной среде, языке. И если их неопределенность, недостаточность не осознается, то коммуникация становится невозможной. Эффективной же коммуникация становится только тогда, когда эти убеждения расширяются за их границы. Поэтому наряду с научно-техническими открытиями, социальными изменениями, творчество новых, более либеральных и гуманных форм жизни и общения также является условием человеческой свободы. Даже если отдельная личность творчески открывает более свободные и человеческие формы коммуникации, они подлежат коллективному освоению, ибо воспринимаются с точки зрения сохранения и выживания сообщества в историческом процессе.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003.
2. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов; Ин-т философии. – М.: Наука, 2005.
3. Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
4. Иванов Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html>. Загл. с экрана.
5. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д. В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000.
8. Холл М. Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.
9. Шалин В. В. Место и роль толерантности в системе либерально-демократических ценностей // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. 2002. – № 1. – С. 58–65. – (Серия «Социология»).